

Отзыв

**официального оппонента по диссертации Дудина Павла Николаевича
«Государственность Внутренней Монголии
в конце XIX — первой половине XX вв.»,
представленной к защите на соискание ученой степени
доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая
история. – Улан-Удэ, 2020.- 808 с.**

Актуальность и значимость исследования обусловлена сложным и противоречивым развитием «монгольского мира» в XIX – середине XX вв., когда в условиях переформатирования международных отношений, накануне и в период двух мировых войн, распада старых и образования новых государств, происходило формирование различных государственных образований в самой Монголии.

С исторических и современных позиций процесс оформления государственности Внутренней Монголии чрезвычайно важен. Поскольку затрагивает не только вопросы собственно монгольской истории, но и международно-политическую и цивилизационную проблематику Российской империи, СССР, Цинского, Гоминдановского, коммунистического Китая и императорской Японии, их взаимовлияние и воздействие на формирование различных моделей монгольской государственности.

Необходимость исследования этого чрезвычайно сложного процесса определяется исторической логикой и особенностями современных монгольских государственных моделей в составе КНР (Автономный Район Внутренней Монголии КНР) и демократической Монголии, созданной в 1991 г. на «обломках» Монгольской Народной Республики (1924 – 1991 гг.). Важен точный ответ на вопрос, насколько данные форматы были predeterminedены и закономерны в рамках исторического процесса XIX в. – 1949 г., насколько они были объективно обусловлены сложными событиями и процессами этого времени, либо сложившиеся монгольские структуры были и остаются искусственными и не отвечают на ключевые цивилизационные запросы монголов?

Полные, научные ответы на этот и многие другие актуальные вопросы лежат в ткани данного исследования, имеющего несомненную научную и общественно-политическую значимость и актуальность.

Диссертация представляет собой объемное исследование, размещенное на 808 страницах в двух томах, структурированное по проблемно-хронологическому принципу. Обзор историографии и источников выведены в отдельную главу (т.1, с.19-88). Учитывая огромную источниковедческую и историографическую базу, данный подход представляется целесообразным.

Методологическая основа строится на междисциплинарном подходе, включая исторические и политологические дискурсы. Автор в теоретическом и методологическом плане на основе исторического контент-анализа справедливо рассматривает проблему становления государственности и государственных институтов как Внутренней Монголии, так и других политических

(государственных) образований Восточной Азии, анализируя такие малоизученные форматы, как структурирование монгольских государственных институтов и определение их места в общей государственной системе империи Цин и гоминдановского Китая (т.1, с. 139), автономии Барги в составе Китая (т.1, с. 217, т.2, с.131-135), японо-монгольские образования накануне и в период Второй мировой войны (т.2, с.245-273).

К сильным сторонам исследования относятся источниковедческий и историографические разделы работы, включая малоизвестные материалы наших соотечественников – харбинских авторов, работавших на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) на различных руководящих должностях как в предреволюционный период (китайской и русской революций 1911 и 1917 г.), так и последующие периоды жизни русских факторий в Китае. Как справедливо отмечает соискатель, эти труды на сегодняшний день являются едва ли не единственными в своем роде работами по региону не только в отечественной научной литературе, но и среди немногочисленных зарубежных исследователей (т.1, с.19-69).

Автор анализирует большое количество источников из числа средств массовой информации того времени, представленных крупнейшими и ведущими периодическими изданиями на русском и английском языках. Данный фактор повышает достоверность сведений и фактов, изложенных в диссертации, поскольку позволяет сопоставить их в изложении не только корреспондентов разных газет, но и разных стран. Любопытным моментом в этом разделе работы является также то, что соискатель приводит сведения и об авторах материалов, которые, помимо того, что являлись, очевидно, авторитетными специалистами в области журналистики, также признавались экспертами в области международных отношений в Азии в исследуемый период.

Структура и последовательность изложения материала отражают логику развития событий, связанных со становлением государственности Внутренней Монголии и обстановкой внутри изучаемого пространства. Текст, несмотря на его объем, воспринимается в логической последовательности, нет необоснованных переходов из одного исторического этапа в другой.

Важной и необходимой стороной работы является анализ исторической проблематики монгольской государственности в рамках второй главы, в которой автор комплексно анализирует все основные аспекты «монгольского вопроса» на обширном пространстве доживающей свой срок империи Цин (т.1, с.139-172). Справедливо подчеркивается специфика ситуации во Внутренней Монголии и особенности развития по другому сценарию государственности Внешней Монголии и Хулун-Буира. Соискатель правильно отмечает значение и влияние заключенных в 1906-1916 гг. соглашений России с Японией о разделе сфер влияния на процессы государственного самоопределения во Внешней и Внутренней Монголии. Как известно, Россия старательно охраняла свои интересы в монгольском регионе, особенно во Внешней (Халха) Монголии.

Интересен прием автора по отслеживанию ситуации с монгольской государственностью в Туве и Бурятии в 1917-1937 гг., равно как и его вывод о правильности выбранного монгольскими народами исторического пути в русле

социалистической идеологии. Принципиально важным представляется промежуточный вывод соискателя о том, что претензии на самостоятельность Внутренней Монголии в 1917 – 1920-е годы не имели успеха в первую очередь из-за позиции значительной части монгольских князей, которые не хотели терять даруемые им сначала цинскими, а затем и республиканскими властями привилегии (т.1, с.265-269). Таким образом, он достаточно убедительно опроверг доминирующую долго время в монголоведческих исследованиях точку зрения о том, что повторить судьбу Внешней Монголии (МНР) Внутренней Монголии помешала непосредственная близость ко Внутреннему Китаю и большая интегрированность в его государственную систему. Ссылаясь на новые источники, автор дает свои оценки и объективно объясняет события 1920-х гг. и провал революционного движения Коминтерна во Внутренней Монголии, включая оценки монгольских лидеров Бай Юньти и Мэрсээ (т.1, с. 269-277).

Важно, что соискатель подробно изучил историю Народно-революционной партии Внутренней Монголии, которая являлась одним из ключевых факторов влияния на политическое и государственное развитие Внутренней Монголии, в которой, как справедливо отмечает автор, просматривался значительный «...подъем левых настроений, тем более что советская сторона принимала в этом активное участие. Политические события конца 1924– начала 1925 г., когда китайские политические лидеры (Сунь Ятсен, Фэн Юйсян и пр.) предпринимали попытки консолидации страны, способствовали тому, что и со стороны наиболее активных и просвещенных молодых монголов стали прилагаться усилия по участию в политической жизни если и не всей страны, то своего региона.» (т.1, с.299.).

Сильной стороной диссертации является анализ государственного образования Маньчжоу-Го в период китайско-японского конфликта 1930-1940-х гг. Несмотря на то, что упоминание о Маньчжурском, или как именует его автор, Маньчжу-Монгольском (т.2, с.4) государстве часто фигурировало на страницах научных журналов как в России, так и за рубежом, суть событий и специфика данного образования либо остаются неизвестными, либо трактуются однобоко и поверхностно в монголоведческой отечественной и зарубежной историографии. Автор детально описал внешние атрибуты уникальной монгольской автономии, Хинган (Синьань), территории и их соотношение с современным административным делением региона, хронологический ряд, объясняющий поступательность расширения отведенного маньчжурским монголам пространства в связи с переходом под японский контроль новых территорий. (т.2, с. 4 -43).

Интересным представляется исследование соискателем внутривластной борьбы во главе с Лин Шэном и ее последствия, роковые не только для самой монгольской элиты Хингана, но и для японцев, которые больше не могли доверять местным лидерам и вынуждены были идти на структурные преобразования и пересмотр идеологической составляющей своего присутствия. В этом же позитивном и исторически объективном плане дан материал о деятельности таких фигур, как Ли Шоусинь и Лю Квейтан, традиционно упоминаемые в предшествующих научных трудах мимоходом.

Автор убедительно доказал, что их деятельность была не менее, а иногда даже и более значима, чем хорошо известная личность Дэ Вана (Дэмчиг Донрова) и его окружения (т.2, с.47-75, т.2, с. 245-273).

К сильным сторонам диссертации следует так же отнести освещение процесса автономизации той части Внутренней Монголии, которая до 1945 г. находилась под японским контролем. Соискатель поэтапно раскрывает шаги Нанкинского правительства, японцев и самих монголов по достижению за регионом желаемого статуса. Интересны в этом аспекте оценки соискателя, касающиеся деятельности монгольских лидеров Внутренней Монголии, японских властей и Нанкинского (китайского) правительства в этот трудный исторический период (т.2, с.173-201).

Историческая часть исследования обоснованно завершается освещением особенностей послевоенного устройства Внутренней Монголии. Соискатель закономерно и оправданно акцентирует внимание на процессах консолидации и распада монгольского государственного пространства, которые, по его мнению, впервые за долгое время стали обретать черты не только национально-культурного, но и политического единства (т.2, с. 245, т.2, с.273). Автор скрупулёзно останавливается на многих интересных деталях, касающихся географических объектов, имен и событий, последовательно излагая переход этих земель от одного государственного состояния в другое. Соблюдая научную корректность, стараясь избегать клеветы и интерпретаций, соискатель дает оценку каждой из сторон описываемых процессов и констатирует эффективность, с которой коммунистические лидеры подходили к вопросу консолидации как Внутренней Монголии, так и всего Китая в 1947-1949 гг.

Выводы и итоговые обобщения полностью соответствуют основному содержанию работы, они концептуально обобщают изложенный и исследованный материал по данной теме. Так, автор справедливо пишет, что «... на протяжении всей своей истории, с момента формирования в начале XVI в Южной Монголии в качестве обособленной области среди распавшейся империи Чингисхана, ее государственность развивалась по собственному сценарию. Хотя он не слишком отличался от сценария развития государственности других монгольских земель в ядре ключевых институтов, однако имел свою специфику, продиктованную двумя основными факторами: близостью с ханьскими границами и фронтальным характером территории, позволяющей снижать накал между борющимися державами в регионе и выступать в течение нескольких столетий в роли своеобразного амортизатора и буфера.» (т.2, с.339).

И далее, соискатель прописывает концептуальную вещь, что «...в отличие от классического государства с единым властным центром, таковой у Монголии отсутствовал. Несмотря на единые подходы к вопросам правового регулирования, взаимоотношений с князьями, военной организации, податей, титулов и т.д., не происходило политической консолидации по географическому, родовому, экономическому или иным принципам. Более того, - отмечает П.Н.Дудин, - маньчжурские власти стремились этого не допустить, поэтому даже в начале XX в. каждый хошун продолжал осуществлять взаимодействие с центральными органами власти империи обособленно и самостоятельно. Ни

аймаки, ни, сеймы также не несли в себе консолидирующего внешнеполитического начала, а лишь были подспорьем в процессах внутреннего управления и порядка.» (т.2. с.340).

Важными представляются также выводы автора об особенностях японского влияния по преобразованию государственных систем монгольских территорий, отмечая, что Внутренняя Монголия в разгар китайско-японского конфликта для японцев выступала в двух ипостасях: как плацдарм для продвижения и закрепления на континенте, и как буфер, защищающий подконтрольные территории от разрушительного влияния коммунистической идеологии. (т.2, с. 346).

В работе использовано большое количество неопубликованных (архивных) и опубликованных документов и материалов, а также обширная литература на русском, монгольском, английском и китайском языках, включающая 1200 наименований. В диссертации имеются приложения, призванные сформировать у читателя визуальный ряд исследуемых событий.

В целом, научная новизна исследования связана, на наш взгляд, с исследованием до настоящего времени следующих малоизученных либо полностью неизвестных проблем и событий:

- формированием «параллельных» монгольских государственных структур Внешней Монголии (МНР) и Внутренней Монголии в историческом контексте;
- взаимовлиянием и взаимообусловленностью различных монгольских государственных «сегментов» в условиях кризисных периодов – распада Российской и китайской (Цинской) империй, формирования новых государственных моделей в треугольнике «Россия – Монголия – Китай»;
- диверсификации монгольских государственных структур в условиях японской оккупации, включая Маньжоу-го и других моделей;
- специфики монголо-китайской интеграции в условиях смены идеологических парадигм – с гоминдановский (до 1949 г.) на коммунистическую (после 1949 г.).

Все эти малоизученные и чрезвычайно сложные проблемы успешно решены и изучены в рамках диссертационного исследования из чего можно заключить, что диссертант сформировал новое научное направление в данном монголоведческом профиле, которое можно обозначить, как исследование государственности Внутренней Монголии в историческом процессе.

Работа написана грамотным научным языком, чувствуется точный авторский стиль и логика, столь необходимая в сложных, многофакторных, исторических исследованиях.

Вместе с тем, к работе есть ряд замечаний и пожеланий.

Во-первых, в отношении источников. Обращает на себя внимание умение работать с архивными данными, без чего историческая работа не может считаться состоявшейся. Введение в научный оборот данных, содержащихся в материалах российских архивов существенно усилило диссертацию. Однако на лицо относительно небольшой блок сведений из монгольских архивов. Введение в научный оборот монгольских архивных документов, несомненно, расширило бы рамки и проблематику исследования.

Во-вторых, в работе есть несколько разделов, отчасти перегруженных историческим материалом. В частности, т.1, параграф 2.3 (с.217 – 265) и т.2, параграф 3.3. (с. 79-131), касающиеся Восточного Чахара и автономии района Чадун. Возможно, что какие – то куски могли бы быть выведены в отдельные исследования, либо сокращены в рамках данного проекта.

В-третьих, в концептуально-историческом плане для широты картины можно было бы дать краткий обзор эволюции пан-монгольской концепции и ее различных исторических версий и интерпретаций от попыток монгольского иерарха Богдо-гэгэна XVIII (1911 – 1919 гг.) и «классических вариантов» атамана Семенова (1919 – 1920 гг.) и его японских покровителей до Коминтерновской концепции Э. Ринчино по созданию «монголо-китайской революционной конфедерации» (1924-1925 гг.) и др. Важно, что в проблематике государственного строительства и во Внешней (МНР), и во Внутренней Монголии различные версии панмонголизма находили свое отражение, влияя на процесс этого строительства. Понятно, что внутри-монгольская зона находилась под военно-политическим японским и административно-идеологическим китайским прессом в значительно большей степени, чем монголы в системе МНР. Однако сама идея объединения двух Монголий была жива до конца 1940-х годов. Особое место занимала в этой связи политика монгольского руководства МНР в отношении Внутренней Монголии в плане попыток реализации проекта монгольской интеграции и создания «Большой Монголии» в 1945 – 1949 гг. Интересным фактом являлся визит Х.Чойбалсана в Москву и его переговоры с И.Сталиным 5 июля 1945 г. по поводу судьбы Внутренней Монголии. В российских архивах сохранились протоколы бесед двух руководителей и другие документы, которые показывают позицию монгольского руководства, ее эволюцию, попытки присоединить Внутреннюю Монголию к МНР в августе – сентябре 1945 г., а так же последующие действия ЦК МНРП по углублению контактов с монгольскими политиками Внутренней Монголии и китайцами, как представителями Гоминдана, так и ЦК КПК. Видимо проблема взаимоотношений в системе «ЦК ВКП (б) -ЦК МНРП - ЦК КПК – Гоминдан» во Внутренней Монголии в 1945 – 1949 гг. еще ждет своего исследователя.

В-четвертых, возможно, что для более полной историографической картины событий во Внутренней Монголии в 1940-х годах, можно было использовать работы С.Д.Дылыкова, который одним из первых в советском монголоведении изучил процессы национальных и общественно-политических движений в этом районе Китая. (См.: Дылыков С.Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае. Очерк истории. - М.: Ин-т востоковедения, 1953. - 132 с. и другие работы).

В-пятых, в заключении соискатель дает обобщение и выводы по работе. Одновременно, соискатель на с.349 приводит документ от 11 января 1938 г. - заседание Тайного совета с участием японского императора об особых условиях мирных переговоров между Японией и Китаем, пункты 3 и 5. Несомненно, документ чрезвычайно ценный и интересный, но, возможно, что его анализ и оценки могли бы быть даны в основной части работы в соответствующем разделе диссертации.

Однако, все вышеприведенные замечания и пожелания не снижают общего положительного впечатления от работы. Диссертация выполнена на высоком научном уровне, это цельная и законченная работа, обладающая научной новизной, концептуальностью и актуальностью.

Диссертация и автореферат Дудина Павла Николаевича «Государственность Внутренней Монголии в конце XIX — первой половине XX вв.» соответствуют требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук» и заявленной специальности 07.00.03 – всеобщая история, автореферат и публикации отражают основные положения диссертации, отвечают всем квалификационным требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Павел Николаевич Дудин заслуживает присуждения ему ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история.

Официальный оппонент

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук (07.00.03 – всеобщая история (Новое и новейшее время)), профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», базовая кафедра Института Дальнего Востока Российской академии наук, профессор

« 16 » ноября 2020 г.

Почтовый адрес:

119017, Москва, М. Ордынка ул., д.17, стр.1, каб. 407

Тел.: +7(495)772-95-90 (доб. 23310), +7905-579-86-18

E-mail: luzyanin.sergey@mail.ru

Подпись Сергея Геннадьевича Лузянина заверяю:

« » ноября 2020 г.

Подпись заверяю

Ведущий

специалист

Курацкая

Р.А